

Ахматова и Цветаева

Уникальные биографии

Анна Ахматова
**Я НАУЧИЛА ЖЕНЩИН
ГОВОРИТЬ**

Марина Цветаева
ЖИВУ ДО ТОШНОТЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
А95

*В оформлении книги использованы фотографии из личных архивов
Л. А. Мнухина и ФГУП «МИА “Россия сегодня”»*

Ахматова, Анна.

А95 Я научила женщин говорить / Анна Ахматова. Живу до тошноты / Марина Цветаева. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 480 с. – (Уникальные биографии).

ISBN 978-5-17-099976-7.

Анна Андреевна Ахматова и Марина Ивановна Цветаева – великие поэтессы, чей взор на протяжении всей жизни был устремлен «вглубь», а не «вовне». Поэтессы, писатели, литературоведы – одни из наиболее значимых фигур русской литературы XX века.

Перед вами дневники Анны Ахматовой – самой страдавшей русской поэтессы. Чем была наполнена ее жизнь: раздутым драматизмом или искренними переживаниями? Книга раскроет все тайны ее отношений с сыном и мужем и секреты ее многочисленных романов. Откровенные воспоминания Лидии Чуковской, Николая и Льва Гумилевых прольют свет на неоднозначную личность Ахматовой и расскажут, какой ценой любимая всем миром поэтесса создавала себе биографию.

«Живу до тошноты» – дневниковая проза Марины Цветаевой. Она написана с неподдельной искренностью, объяснение которой Иосиф Бродский находил в духовной мощи, обретенной путем претерпеваний: «Цветаева, действительно, самый искренний русский поэт, но искренность эта, прежде всего, есть искренность звука – как когда кричат от боли».

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-17-099976-7.

© Мнухин Л. А.
© ФГУП «МИА “Россия сегодня”»
© ООО «Издательство АСТ»

Анна Ахматова

**Я НАУЧИЛА ЖЕНЩИН
ГОВОРИТЬ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Тут я подумала: один безумный поэт — хорошо, два — плохо»

Цветаева и Ахматова — такие разные и такие похожие.

По возрасту — Ахматова старше всего на три года: она родилась в 1889 году, а Цветаева — в 1892-м. По неординарности — им обоим нет равных. По биографии — пережили с родиной самые страшные годы Гражданской войны, Революции, Великой Отечественной (правда, Цветаева, «захватила» только два месяца). По женской судьбе — были любимыми, были брошенными, сами влюблялись и бросали, пережили тюрьму и расстрел любимых мужчин, рожали и теряли. По характеру — железные и нежные, страстные и холодные, ранимые и жесткие. По уму — мудрые и эрудированные. По кругу общения — их окружали все «звезды» отечественной литературы начала и середины XX века: Николай Гумилев, Корней и Лидия Чуковские, Сергей Есенин, Александр Блок, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Михаил Булгаков, Фаина Раневская, Иосиф Бродский. По признанию — гонимые и шельмованные «родной» советской властью, но вознесенные до небес настоящими ценителями искусства во всем мире. По жизни же — несчастные и трагичные вечные скитальцы, равнодушные к вещам и суете. Разница только — в датах смерти: Ахматова пережила Цветаеву почти на тридцать лет.

А как они сами относились друг к другу? По свидетельствам современников, 23-летняя Цветаева была в восторге от поэзии Ахматовой: в стихах и письмах она признавалась ей в самой настоящей любви! Анну Андреевну это очень смущало, но, как рассказывал Осип Мандельштам, Ахматова в 1916–1917 годах не расставалась с рукописными стихами Цветаевой и «до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались». Вот какие строки, датированные 11 февраля 1915 года, посвятила Цветаева Анне Андреевне:

«Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.
Вас передашь одной
Ломаной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии.
Вся Ваша жизнь — озноб.
И завершится — чем она?
Облачный темный лоб
Юного демона.
Каждого из земных
Вам заиграть — безделица.
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
Кажется, четверть пятого,
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова».

«Все о себе, все о любви», – писала Цветаева в своих записных книжках, датированных 1917 годом, рассуждая об ахматовской поэзии. – Да, о себе, о любви – и еще – изумительно – о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песни Песней, о воздухе, «подарке Божьем»... и так без конца... И есть у нее одно 8-стишие о юном Пушкине, которое покрывает все изыскания всех его биографов.

Ахматова пишет о себе – о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего – через описание пера на шляпе – передаст потомкам свой век... О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов. И ничего не прибавишь... Какой трудный и соблазнительный подарок поэтов – Анна Ахматова!»

С восторгом и страстью обращалась Цветаева к Ахматовой и в своих письмах: *«Дорогая Анна Андреевна! Так много нужно сказать – и так мало времени!.. ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму – под подушку!.. Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас!.. Вы мой самый любимый поэт, я когда-то – давным-давно – лет шесть тому назад – видела Вас во сне, – Вашу будущую книгу: темно-зеленую, сафьяновую, с серебром – «Словеса злотые», – какое-то древнее колдовство, вроде молитвы (вернее – обратное!) – и – проснувшись – я знала, что Вы ее напишете... Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть. «И шпор твоих легонький звон», – это нежнее всего, что сказано о любви... Я ненасытна на Вашу душу и буквы... М.Ц. Москва, 26-го русского апреля 1921».*

Много стихов посвятила Цветаева Ахматовой, а Анна Андреевна – лишь одно, и то через много лет:

«Поздний ответ

Белорученька моя, Чернокнижница...

М. Ц.

Невидимка, двойник, пересмешник...

Что ты прячешься в черных кустах? –

То забьешься в дырявый скворешник,

То мелькнешь на погибших крестах,

То кричишь из Маринкиной башни:

«Я сегодня вернулась домой,

Полубуйтесь, родимые пашни,

Что за это случилось со мной.

Поглотила любимых пучина

И разграблен родительский дом».

Мы сегодня с тобою, Марина,

По столице полночной идем.

Я научила женщин говорить

А за нами таких миллионы,
И безмолвное шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след.

16 марта 1940, 1961,
Фонтанный дом – Красная Конница».

«Ей я не решилась прочесть, — призналась в свое время Анна Андреевна писательнице Лидии Чуковской. — А теперь жалею. Она столько стихов посвятила мне. Это был бы ответ, хоть и через десятилетия. Но я не решилась из-за страшной строки о любимых».

А Цветаева забрасывала своего кумира стихами, письмами, подарками. В одном из писем она, к примеру, восхищалась только что прочитанной ею ахматовской «Колыбельной» — «Далеко в лесу огромном...» — и утверждала, что за одну строчку этого стихотворения — «Я дурная мать» — готова отдать все, что до сих пор написала и еще когда-нибудь напишет. Хотя уже в то время ее собственные стихи о Москве или к Блоку многие считали необыкновенно талантливыми. Но Ахматова их не ценила. Более того, отзывалась о Марине Ивановне холодно, отдалывалась вежливыми, уклончивыми ответами и замечаниями. К примеру, ей не очень нравились так называемые «анжамбеманы», которыми Цветаева злоупотребляла с каждым годом все сильнее, то есть о переносе логического содержания строки в начало строки следующей. «Это можно сделать раз, два, — соглашалась Ахматова, — но у нее ведь это повсюду, и прием этот теряет всю свою силу».

Когда ее просили оценить творчество Цветаевой, она сдержанно отвечала: «У нас теперь ею увлекаются, очень ее любят, даже больше, чем Пастернака». Но лично от себя ничего не добавляла.

Но ее современники объяснили безразличие Ахматовой к стихам Цветаевой не только их словесным, формальным складом. «Не по душе ей было, вероятно, другое, — предполагал Георгий Адамович, — демонстративная, вызывающая, почти назойливая «поэтичность» цветаевской поэзии, внутренняя бальмонтовщина при резких внешних отличиях от Бальмонта, неустрашимая поза при несомненной искренности, постоянный «заскок». Если это так, то не одну Ахматову это отстраняло и не для нее одной это делало не вполне приемлемым творчество Цветаевой, человека, редкостно даровитого и редкостно несчастного».

Впервые поэтессы встретились только в 1941 году — до самоубийства Марины Ивановны оставалось всего два месяца. Тогда на нее много ужасного навалилось: муж и дочь в тюрьме, она повязана НКВД, жить не на что, кроме того, она апокалиптически относилась к начавшей-

ся войне с Германией. И слегла от душевных мук. И когда ее в Елабуге навестил Борис Пастернак, она попросила его увидеться с Ахматовой. «Борис Леонидович оставил здесь у Нины телефон и просил, чтобы я непременно позвонила, – вспоминала Анна Андреевна. – Я позвонила. Она подошла.

– Говорит Ахматова.

– Я вас слушаю.

(Да, да, вот так: она меня слушает.)

– Мне передал Борис Леонидович, что вы желаете меня видеть. Где же нам лучше увидеться: у вас или у меня?

– Думаю, у вас.

– Тогда я сейчас позову кого-нибудь нормального, кто бы объяснил вам, как ко мне ехать.

– Пожалуйста. Только нужен такой нормальный, который умел бы объяснять ненормальным.

Тут я подумала: один безумный поэт – хорошо, два – плохо.

Она приехала и сидела семь часов. Ардовы тогда были богатые и прислали ко мне в комнату целую телячью ногу.

На следующий день звонок: опять хочу вас видеть. А я собиралась к Николаю Ивановичу, в Марьину рощу. Я дала ей тот телефон. Вечером она позвонила; говорит: не могу ехать на такси, на метро, на троллейбусе, на автобусе – только на трамвае. (Она боялась уличных машин, в метро – эскалаторов, в домах – лифтов, казалась близорукой и незащищенной от мира. – Ред.)

Тэдди Гриц ей все подробно объяснил и вышел ее встретить. Мы пили вино вчетвером. Тэдди сказал, что у дома торчит человек. Я подумала: какая же у нее счастливая жизнь! А, может быть, это у меня? А может быть, у нас обеих?»

«С этим рассказом о встречах с Цветаевой интересно сопоставить запись, сделанную Анной Андреевной в 1962 года, – писала Лидия Корнеева. – «Наша первая и последняя двухдневная встреча произошла в июне 1941 г. на Большой Ордынке, 17, в квартире Ардовых (день первый) и в Марьиной роще у Н. И. Харджиева (день второй и последний). Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 41 г. Это была бы «блуждающая легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно. Сейчас, когда она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда... мне хочется просто “без легенды” вспомнить эти Два дня».

А позже Ахматова напишет Цветаевой слова благодарности: *«...Я не пишу никогда и никому, но Ваше доброе отношение мне бесконечно дорого. Спасибо Вам за него и за посвящение поэмы... Мечтаю прочесть Ваши новые стихи... Ваша Ахматова».*

Но прочесть новые цветаевские стихи никому уже не было суждено. После начала Великой Отечественной войны Марину Ивановну отправили в эвакуацию в город Елабуга в Татарстане. Упаковывать вещи

ей помогал Борис Пастернак. Он принес веревку, чтобы перевязать чемодан, и, заверяя в ее крепости, пошутил: «Веревка все выдержит, хоть вешайся». Впоследствии ему передали, что именно на ней Цветаева в Елабуге 31 августа 1941 года и повесилась (по свидетельству Марка Слонима, со слов К. Г. Паустовского).

«21 октября 41. Анна Андреевна расспрашивает меня о Цветаевой, – пишет Лидия Чуковская. – Я прочла ей то, что записала 4.IX, сразу после известия о самоубийстве. Сегодня мы шли с Анной Андреевной вдоль Камы, я переводила ее по жердочке через ту самую лужу-океан, через которую немногим более пятидесяти дней назад помогала пройти Марине Ивановне...

– Странно очень, – сказала я, – та же река, и лужа, и досточка та же. Два месяца тому назад на этом самом месте, через эту самую лужу я переводила Марину Ивановну. И говорили мы о вас. А теперь ее нету и говорим мы с вами о ней. На том же месте!

Анна Андреевна ничего не ответила, только поглядела на меня со вниманием.

Но я не пересказала ей наш тогдашний разговор...

(Я высказала Марине Ивановне свою радость: А. А. не здесь, не в Чистополе, не в этой, утопающей в грязи, отторгнутой от мира, чужой полутатарской деревне. «Здесь она непременно погибла бы... Здешний быт убил бы ее... Она ведь ничего не может». «А вы думаете, я – могу?» – резко перебила меня Марина Ивановна).

Конечно, две гениальные женщины не могли не признавать друг у друга необыкновенных способностей. Может, слегка завидовали, может, слегка ревновали, но уж точно ценили поэтический дар – такой редкий, такой уязвимый и такой всемогущий!

Вообще, поразительно, как «королева Петербурга» – так звали поклонники Ахматову и «царица Москвы» – Цветаева почти одновременно появились в одном временном пространстве, в одной стране, в соседних городах. Видимо, Бог был очень щедр на пришествие даровитых людей в XX веке.

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.

«Этические мотивы», 1913

Я родилась в один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии — 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь <...>.

...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова. Стоговы были небогатые помещики Можайского уезда Московской губернии, переселенные туда за бунт при Марфе-посаднице. В Новгороде они были богаче и знатнее.

Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, как в память о счастливом событии, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход. Этот Ахмат, как известно, был чингизидом.

Одна из княжон Ахматовых — Прасковья Егоровна — в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь Анна Егоровна — моя бабушка. Она умерла, когда моей маме было девять лет, и в честь ее меня называли Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и одно с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы.

1964

Свидетельство о крещении

Свидетельство № 4379

По Указу Его Императорского Величества, из Херсонской Духовной Консистории, вследствие прошения жены отставного Капитана 2-го ранга Инны Эразмовой Горенко и на основании определения, состоявшегося в сей Консистории 30-го Апреля 1890 го-да, выдано сие свидетельство в том, что в шнуровой метрической книге Кафедрального Преображенского собора портового города Одессы, Херсонской епархии, за тысяча восемьсот восемьдесят девятый год, во 1-й части о родившихся, под № 87 женского пола записан следующий акт: Июня одиннадцатого родилась, а Декабря семнадцатого крещена Анна; родители ее: Капитан 2-го ранга Андрей Антониев Горенко и законная жена его Инна Эразмова, оба православные. Восприемниками были: кандидат естественных наук Стефан Григориев Романенко и дочь дворянина Мария Федоровна Вальцер.

Таинство крещения совершал протоиерей Евлампий Арнольдов с псаломщиком Александром Тоболиным. Причитающийся гербовой сбор уплачен г. Одесса. 1890 года Мая 7 дня. Написанному между строк слову «собора» верить.

Член Консистории Протоиерей Евлампий Арнольдов

Анна Андреевна появилась на свет 11 (23) июня 1889 года под Одессой. В семье потомственного дворянина Андрея Антоновича Горенко и Инны Эразмовны Стоговой, кроме Анны в семье, было еще пятеро детей: Андрей, Инна, Ирина, Ия и Виктор.

Брак родителей Ахматовой сложился несчастливо. Андрей Антонович жил в свое удовольствие, не считая, тратил женины деньги, не обделял вниманием ни одной хорошенькой молодой женщины. Инна Эразмовна переживала из-за равнодушия мужа и к ней, и к детям.

Анна Андреевна, хотя в семье ее считали отцовской дочкой за внешние сходства, была всегда на стороне матери.

...И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море

Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, —
Ненужный дар моей жестокой жизни...

(Предыстория, 1945)

Лидия Чуковская «Записки об Анне Ахматовой»

(Беседуют Лидия Чуковская, Анна Ахматова и Валентина Срезневская):

— ...Да уж, твоя мама совсем ничего не умела в жизни. Представьте, Лидия Корнеевна, из старой дворянской семьи, а уехала на курсы. Как она собиралась жить — непонятно.

— Не только на курсы, — поправила Анна Андреевна, — она стала членом народовольческого кружка. Уж куда революционнее.

— Представьте, Лидия Корнеевна, маленькая женщина, розовая, с исключительным цветом лица, светловолосая, с исключительными руками.

— Чудные белые ручки! — вставила Анна Андреевна.

— Необыкновенный французский язык, — продолжала Срезневская, — вечно падающее пенсне, и ничего, ну ровно ничего не умела... А твой отец! Красивый, высокий, стройный, одет всегда с иголки, цилиндр слегка набок, как носили при Наполеоне III, и говорил про жену Наполеона: «Евгения была недурна...»

— Он видел ее в Константинополе, — вставила Анна Андреевна, — и находил, что она — самая красивая женщина в мире.

Потом речь зашла почему-то о руках Николая Степановича: «Бесмертные руки!» — сказала Валерия Сергеевна.

Одна из приятельниц Андрея Антоновича Горенко свидетельствует

«Странная это была семья... Куча детей. Мать, богатая помещица, добрая, рассеянная до глупости, безалаберная, всегда думавшая о чем-то другом... В доме беспорядок. Едят когда придется, прислуги много, а порядка нет. Гувернантки делали что хотят. Хозяйка бродит, как сомнамбула. Как-то, при переезде в другой дом, она долго носила в руках толстый пакет с процентными бумагами на несколько десятков тысяч рублей и в последнюю минуту нашла для него подходящее место — сунула пакет в детскую ванну, болтавшуюся позади воза. Когда муж узнал об этом, он помчался на извозчике догонять ломового. А жена с удивлением смотрела, чего он волнуется, да еще и сердится».

Лидия Чуковская
«Записки об Анне Ахматовой»

«Я стала расспрашивать Анну Андреевну о ее семье. Она такой особенный человек и изнутри, и снаружи, что мне очень хочется понять: есть ли в ней что-нибудь родовое, семейное, общее. Неужели она может быть на кого-то похожа?

Она рассказала мне о своих сестрах — Ии, Инне.

— Обе умерли от туберкулеза. Ия — когда ей было двадцать семь лет. Я, конечно, тоже умерла бы, но меня спасла моя болезнь щитовидной железы — базедова уничтожает туберкулез. У нас был страшный семейный тbc, хотя отец и мать были совершенно здоровы. (Отец умер от грудной жабы, мать — от воспаления легких в глубокой старости.) Ия была очень особенная, суровая, строгая...

— Она была такой, — продолжила, помолчав, Анна Андреевна, — какою читатели всегда представляли себе меня и какою я никогда не была.

Я спросила, нравились ли Ии Андреевне ее стихи?

— Нет, она находила их легкомысленными. Она не любила их. Все одно и то же, все про любовь и про любовь. — Анна Андреевна стояла у окна и грубым полотенцем протирала чашки.

— В доме у нас не было книг, ни одной книги. Только Некрасов, толстый том в переплете. Его мне мама давала читать по праздникам. Эту книгу подарил маме ее первый муж, застрелившийся... Гимназия в Царском, где я училась, была настоящая бурса... Потом в Киеве гимназия была немного лучше...

Стихи я любила с детства и доставала их уж не знаю откуда. В тринадцать лет я знала уже по-французски и Бодлера, и Верлена, и всех проклятых. Писать стихи я начала рано, но удивительно то, что, когда я еще не написала ни строчки, все кругом были уверены, что я стану поэтессой. А папа даже дразнил меня так: декадентская поэтесса...»

Мое детство так же уникально и великолепно, как детство всех детей в мире...

Говорить о детстве и легко и трудно. Благодаря его статичности его очень легко описывать, но в это описание слишком часто проникает слащавость, которая совершенно чужда такому важному и глубокому периоду жизни, как детство. Кроме того, одним хочется казаться слишком несчастными в детстве, другим — слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор. Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастны. Как только появляется сознание, человек попадает в совершенно готовый и неподвижный мир, и самое естественное не верить, что этот мир некогда был иным. Эта первоначальная картина навсегда остается в душе человека, и существуют люди, которые только в нее и верят, кое-как скрывая эту странность. Другие же, наоборот, совсем не верят в подлинность этой картины и тоже довольно нелепо повторяют: «Разве это был я?»

В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И кажется,